

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Своим вопросом мы касаемся одной темы, весьма широкой, что называется, пространной. Так как тема широкая, она остается неопределенной. Так как она неопределенна, мы можем подходить к ней с самых разных точек зрения. При этом мы постоянно будем наталкиваться на что-то правильное. Однако поскольку при обсуждении столь широкой темы перемешиваются самые различные мнения, нам угрожает опасность того, что наш разговор останется без надлежащего средоточия.

Поэтому мы должны попытаться определить вопрос точнее. Таким образом, мы придадим разговору устойчивое направление и он выйдет на некоторый путь. Я говорю: *некоторый* путь. Тем самым мы признаем, что этот путь, безусловно, не является единственным. Должно даже остаться открытым, поистине ли тот путь, который я хотел бы указать в дальнейшем, позволяет нам поставить вопрос и получить ответ.

Но если мы допустим, что могли бы найти путь более точного определения вопроса, то немедленно возникнет серьезное возражение против самой темы нашей беседы. Спрашивая что это такое — философия? — мы говорим о философии. Таким образом, мы явно пребываем над философией, т.е. вовне. Однако цель нашего вопроса — войти в философию, обосноваться в ней, вести себя в согласии с нею, т.е. "философствовать". Ход нашей беседы поэтому не просто должен иметь, ясное направление, но ее направление должно одновременно гарантировать, что мы движемся внутри философии, а не вне ее и не вокруг.

Наш разговор, следовательно, должен идти по такому пути и в таком направлении, чтобы то, о чем говорит философия, относилось к нам самим, задевало нас, причем именно в нашей сути.

Но не станет ли тогда философия делом склонностей, эмоций и чувств?

"И с прекрасными чувствами люди создают плохую литературу". "C'est avec les beaux sentiments que l'on fait la mauvaise littérature" [2] **. Эти слова Андре Жида распространяются не только на литературу, но еще более на философию. Чувства, даже самые прекрасные, не имеют отношения к философии. Чувства принято считать чем-то иррациональным. Философия же, напротив, не только представляет собой нечто рациональное, а является подлинной держательницей разума. Но, утверждая это, мы неожиданно для себя вынесли решение о том, что такое философия. Мы уже предварили свой вопрос неким ответом. Всякий признает правильным высказывание, что философия есть дело разума. Может быть, однако, это поспешный и необдуманный ответ на вопрос: Что это такое — философия? Ведь мы можем сразу противопоставить этому ответу новые вопросы. Что такое — разум (die Ratio, die Vernunft)? Где и кем было решено, что такое разум? Сам ли разум сделал себя господином философии? Если "да", то по какому праву? Если "нет", то откуда он получил свое назначение и свою роль? И если то, что считается разумом, впервые утвердилось лишь благодаря философии и в ходе ее истории, тогда нехорошо заранее выдавать философию за дело разума. Однако как только мы подвергаем сомнению характеристику философии как некоего рационального поведения, становится сомнительным равным образом и то, относится ли

Что это такое — философия?

[1] *

М. ХАЙДЕГГЕР

Своим вопросом мы касаемся одной темы, весьма широкой, что называется, пространной. Так как тема широкая, она остается неопределенной. Так как она неопределенна, мы можем подходить к ней с самых разных точек зрения. При этом мы постоянно будем наталкиваться на что-то правильное. Однако поскольку при обсуждении столь широкой темы перемешиваются самые различные мнения, нам угрожает опасность

того, что наш разговор останется без надлежащего средоточия.

Поэтому мы должны пытаться определить вопрос точнее. Таким образом, мы придадим разговору устойчивое направление и он выйдет на некоторый путь. Я говорю: *некоторый* путь. Тем самым мы признаем, что этот путь, безусловно, не является единственным. Должно даже остаться открытым, поистине ли тот путь, который я хотел бы указать в дальнейшем, позволяет нам поставить вопрос и получить ответ.

Но если мы допустим, что могли бы найти путь более точного определения вопроса, то немедленно

возникнет серьезное возражение против самой темы нашей беседы. Спрашивая: что это такое — философия? — мы говорим о философии. Таким образом, мы явно пребываем над философией, т.е. вовне. Однако цель нашего вопроса — войти в философию, обосноваться в ней, вести себя в согласии с нею, т. е. "философствовать". Ход нашей беседы поэтому не просто должен иметь, ясное направление, но ее направление должно одновременно гарантировать, что мы движемся внутри философии, а не вне ее и не вокруг.

Наш разговор, следовательно, должен идти по такому пути и в таком направлении, чтобы то, о чем говорит философия, относилось к нам самим, задевало нас, причем именно в нашей сути.

Но не станет ли тогда философия делом склонностей, эмоций и чувств?

"И с прекрасными чувствами люди создают плохую литературу". "C'est avec les beaux sentiments que l'on fait la mauvaise littérature" [\[2\]](#) ** Эти слова Андре Жида распространяются не только на литературу, но еще более на философию. Чувства, даже самые прекрасные, не имеют

отношения к философии. Чувства принято считать чем-то иррациональным. Философия же, напротив, не только представляет собой нечто рациональное, а является подлинной держательницей разума. Но, утверждая это, мы неожиданно для себя вынесли решение о том, что такое философия. Мы уже предварили свой вопрос неким ответом. Всякий признает правильным высказывание, что философия есть дело разума. Может быть, однако, это поспешный и необдуманый ответ на вопрос: Что это такое — философия? Ведь мы можем сразу противопоставить

этому ответу новые вопросы. Что такое — разум (die Ratio, die Vernunft)? Где и кем было решено, что такое разум? Сам ли разум сделал себя господином философии? Если "да", то по какому праву? Если "нет", то откуда он получил свое назначение и свою роль? И если то, что считается разумом, впервые утвердилось лишь благодаря философии и в ходе ее истории, тогда нехорошо заранее выдавать философию за дело разума. Однако как только мы подвергаем сомнению характеристику философии как некоего рационального поведения, становится сомнительным равным

образом и то, относится ли философия по ведомству иррационального. Ибо тот, кто хочет определить философию как иррациональное, берет в качестве критерия разграничения рациональное, и сущность разума снова считается чем-то само собою разумеющимся.

С другой стороны, когда мы указываем, что философия способна касаться и задевать нас, людей, в самой нашей сути, эта способность может не иметь никакого отношения к тому, что обычно называют эмоциями и чувствами, одним словом, иррациональным.

Из сказанного мы заключаем пока только одно: требуется величайшая тщательность, когда мы отваживаемся начать разговор на тему "что это такое — философия?"

Прежде всего, мы пытаемся вывести вопрос на четко направленный путь, дабы не плутать в произвольных и случайных представлениях о философии. Однако как нам найти тот надежный путь, на котором мы определим свой вопрос?

Путь, на который я хотел бы теперь указать, лежит непосредственно перед нами. И только из-за того, что он ближайший,

мы находим его с трудом. Но и найдя, движемся по нему все-таки неуверенно. Мы спрашиваем: что это такое — философия? Слово "философия" мы произносили уже достаточно часто. Однако если мы больше не употребляем его как затертое наименование, если вместо этого слышим слово "философия" из его истока, то оно звучит так: *φιλοσφία* Слово "философия" говорит теперь по-гречески. Греческое слово, именно как *греческое*, есть некий путь. Путь, с одной стороны, лежит перед нами, поскольку наши предшественники произносили это слово с давних пор.

С другой же стороны, он остался за нами, поскольку это слово мы постоянно слышали и произносили сами. Таким образом, греческое слово **φίλοσοφία** есть путь, по которому мы идем. Однако мы знаем этот путь еще слишком приблизительно, хотя располагаем множеством исторических сведений о греческой философии и можем их расширить.

Слово **φίλοσοφία** говорит нам, что философия есть нечто такое, что впервые определило существование греческого мира. И не только — **φλοσοία** определяет также глубинную черту нашей

западноевропейской истории. Часто употребляемое выражение "западноевропейская история" на самом деле есть тавтология. Почему? Потому, что "философия" является греческой в своей сущности, — "греческой" здесь означает: сама сущность философии коренится в том, что она завладела сначала греческим миром, и только им, чтобы развернуть себя в нем.

Однако исконно греческая сущность философии в новоевропейскую эпоху своего господства стала направляться и управляться христианскими представлениями. Господство этих

представлений устанавливается в средние века. И все же нельзя сказать, что тем самым философия стала христианской, т.е. делом веры в Откровение и авторитет Церкви. Положение "философия по своей сути является греческой" означает одно: Запад и Европа, и только они, в глубинном ходе своей истории изначально "философичны". Об этом свидетельствует возникновение и господство наук. И поскольку науки происходят из глубин западноевропейского — т.е. философского — течения истории, сегодня они в состоянии наложить

своеобразную печать на историю человечества по всей земле.

Задумаемся на мгновение, что это значит, когда некую эпоху в истории человечества характеризуют как "атомный век". Атомную энергию, открытую и освобожденную науками, представляют той силой, которая должна определить ход истории. Наук никогда не было бы, если бы им не предшествовала, не опережала их философия. Но философия есть • η φιλοσοφία . Греческое слово вплетает наш разговор в историческую традицию. Эта традиция остается единственной в своем роде, и

определена она однозначно.
Названная греческим именем
φιλοοφία и называющая
историческое слово φιλοσοφία,
традиция открывает для нас
направление пути, на котором мы
спрашиваем: что это такое —
философия? Традиция, предание, не
предает нас во власть прошлого и
безвозвратно ушедшего. Передавать,
delivrer, значит высвободить, а
именно в свободу разговора с
минувшим. Имя "философия", если
мы правильно слышим его и
обдумываем услышанное, зовет нас в
историю греческого происхождения
философии. Слово φιλοσοφία как бы

стоит на свидетельстве о рождении нашей собственной истории, можно даже сказать, на свидетельстве о рождении современной эпохи мировой истории, которая называется атомным веком. Поэтому вопрос "что это такое — философия?" мы можем задавать, только если вступаем в разговор с мышлением греческого мира.

Однако греческое происхождение имеет не только то, *что* стоит под вопросом — философия, но также и тот способ, *каким* мы спрашиваем; тот способ, *каким* мы спрашиваем еще и сегодня, является греческим.

Мы спрашиваем: что есть это...?

По-гречески это звучит так: τί ἐστίν . Но вопрос "что есть нечто?" остается все-таки многозначным. Мы можем спросить: что это там вдали? И получим ответ: дерево. Ответ заключается в том, что некой вещи, точно нами не распознанной, мы даем имя.

И все же можно спросить далее: что есть то, что мы называем деревом. С помощью поставленного сейчас вопроса мы уже приближаемся к греческому τί ἐστίν . Это та форма вопрошания, которую развили Сократ, Платон и Аристотель. Они спрашивают,

например: что такое прекрасное? что такое познание? природа? движение?

Теперь, однако, мы должны заметить, что в перечисленных вопросах не только отыскивается более точное определение природы, движения, прекрасного, но и дается некоторое истолкование того, что значит "что", в каком смысле следует понимать Π . Подразумеваемое под "что", *quid est*, то *quid*, называют *quidditas*, "чтойность". Между тем *quidditas* в разные эпохи философии определяется по-разному. Так, например, философия Платона является своеобразной интерпретацией значения Π — как

ιδεα . То, что, спрашивая о τι , о quid, мы имеем в виду "идею", отнюдь не самоочевидно.

Аристотель предлагает иное толкование τι , нежели Платон. Другое истолкование τι дает Кант, по-своему толкует его Гегель. Следуя путеводной нити τι , quid, "что", мы всякий раз должны давать новое определение "что". Спрашивая о философии — "что это?", мы всегда задаем изначально греческий вопрос.

Заметим, что и тема нашего вопроса — "философия", и тот способ, каким мы спрашиваем, — "что это...?", - греческого происхождения. Мы сами имеем

греческие корни, даже если не упоминаем слово "философия". Нас возвращает к себе этот исток, он требует нас для себя, как только мы 'не просто старательно произносим слова "что это такое — философия?", а задумываемся над их смыслом. (Вопрос "что есть философия?" не из тех, что направляют некоторого рода познание на самое себя (философия философии). Этот вопрос не является также вопросом истории, интересующейся, как началось и развивалось то, что называют "философией". То исторический, т.е. судьбинный вопрос. И еще: он не "некий", а *собственно* исторический

вопрос нашего западноевропейского существования.)

Когда мы вникаем в полный и изначальный смысл вопроса "что это такое — философия?", наше вопрошание, через свой исторический исток, обретает направление исторического будущего. Мы нашли путь. Сам вопрос и есть путь. Он ведет из греческого мира к нам, если не далее, через нас. Мы идем — если твердо держимся вопроса — по четко направленному пути. Однако у нас еще нет гарантии, что мы в состоянии сразу правильно следовать этому пути. Мы даже не можем

определить, в каком месте пути стоим сегодня. Допрос о том, что есть нечто, обыкновенно характеризуют как вопрос о сущности. Он просыпается, когда то, о сущности чего спрашивается, затемнилось и запуталось и, одновременно с этим, отношение человека к спрашиваемому стало нетвердым, когда оно поколеблено, даже подорвано.

Наш вопрос касается сущности философии. Если он возникает из некоторой потребности и не должен остаться лишь мнимым вопросом, заданным для поддержания разговора, то под вопросом должна

оказаться философия в качестве философии. Так ли это? А если да, то почему философия стала для нас таковой? Очевидно, однако, что мы можем указать на это, только если уже прозрели в философию. Необходимо, чтобы мы заранее прозрели в то, что это такое — философия. Так что нас странным образом гонят по кругу. Похоже, сама философия является этим кругом. Если мы и не можем немедленно вырваться из круга, нам все же дано увидеть его. Куда должен быть обращен наш взгляд? Греческое слово **φιλοσοφία** указывает направление.

Здесь необходимо сделать одно принципиальное замечание. Когда, будь это теперь или позднее, мы слушаем слова греческой речи, мы попадаем в особую область. Для нашего сознания медленно и неясно вырисовывается, что греческий язык есть не просто язык, подобно известным нам европейским языкам. Греческий язык, и только он один, есть λόγος . Мы должны будем в нашей беседе обсудить это более обстоятельно. Для начала же достаточно указать, что в греческом языке высказываемое некоторым замечательным образом одновременно есть то, что оно

называет. Когда мы слышим греческое слово по-гречески, мы следуем его λεγειν, непосредственно им излагаемому. То, что оно излагает, лежит перед нами. Благодаря по-гречески услышанному слову мы находимся непосредственно подле самой предлежащей нам вещи, а не подле одного лишь значения слова.

Греческое слово φιλοσοια а восходит к слову φιλοσοφοζ . Это последнее изначально является именем прилагательным, как φιλορυυροζ — сребролюбивый и φιλοτιμοζ — честолубивый. Слово φιλοσοφοζ, вероятно, было пущено в ход Гераклитом. Это означает, что

для Гераклита еще не существовало
φιλοσοφία . Ἀνηρ φιλοσοφοῦ не есть
"философский" человек. Греческое
прилагательное φιλοσοῦν означает
нечто совершенно иное, нежели
прилагательное философский,
philosophique. Ἀνηρ φιοσφοῦ есть
тот, οὗ φιλεῖ το σοφον , кто
любит σοφον ; φιλεῖν , любить,
означает здесь, в гераклитовом
смысле, οἱ ο λογεῖν , говорить так,
как говорит Λονοῦ , т.е.
соответствовать Λογοῦ . Это
соответствование созвучно σοφον .
Созвучие есть αρμονία То, что одна
сущность взаимообразно связывает
себя с другой, что обе они

изначально прилаживаются одна к другой, ибо находятся в распоряжении друг у друга,— эта $\alpha\rho\rho\omicron\nu\alpha$ есть отличие $\phi\iota\lambda\epsilon\iota\nu$, любви в понимании Гераклита.

Ανὴρ φιλοσοφῶν любит $\sigma\phi\omicron\nu$.
Что данное слово говорило Гераклиту, передать трудно. Но мы можем прояснить это, следуя собственному гераклитовскому толкованию. Итак, то $\sigma\phi\omicron\nu$ говорит вот что: ' Ἐν Πάντα , "одно (есть) все". "Все" подразумевает здесь: Πάντα τὰ ὄντα , целое, все сущее. " Ἐν , одно, означает единое, единственное, все объединяющее. Ведь все сущее в Бытии едино. $\Sigma\phi\omicron$

‘v говорит: все сущее есть в Бытии. Говоря более строго — Бытие есть сущее. При этом "есть" является переходным глаголом и означает "собранное". Бытие собирает сущее как сущее. Бытие есть собирание — Λο'γος ".

Все сущее есть в Бытии. Для нашего слуха это звучит тривиально, если даже не обидно. Ведь о том, что сущее принадлежит Бытию, никому не надо заботиться. Весь мир знает: сущее таково, что оно есть. Что еще остается сущему, как не быть? И все же именно то, что сущее пребывает собранным в Бытии, что сущее появляется в свете Бытия, изумило

греков, прежде всего их, и только их. Сущее в Бытии, — это стало для греков самым удивительным.

Между тем даже грекам пришлось спасать удивительность этого удивительнейшего и защищать его от хватки софистического разума, который для всего имел наготове одно доходчивое объяснение и поставлял его на рынок. Спасти удивительнейшее — сущее в Бытии — удалось благодаря тому, что некоторые люди отправились в путь по направлению к этому удивительнейшему, т.е. *σοφοῦν*. Они стали теми, кто *стремился* к *σοφοῦν* и своим собственным стремлением

пробуждал и поддерживал жажду σοφον в других людях. Φιλειν то' σοφο'ν , то уже упомянутое созвучие с σοφο'ν , а ρμονι'α стали ο'ρεξιζ , неким *стремлением* к σοφο'ν . σοφο'ν — сущее в Бытии — становится теперь собственно искомым. Поскольку υλειν более не есть изначальное созвучие с σοφο'ν , а является характерным стремлением к σοφο'ν , то φιλειν то' σοφο'ν становится " φιλοσοφι'α ". Это стремление определяется Эросом.

Настойчивый поиск σοφο'ν , " Εν Πα'ντα , сущего в Бытии, оказывается теперь вопросом: что есть сущее, коль скоро оно есть?

Теперь мышление впервые становится "философией". Гераклит и Парменид еще не были философами. Почему?

Потому, что они были более великими мыслителями. "Более великими" не подразумевает отчета о проделанной работе, но указывает на иное измерение мышления. Гераклит и Парменид были "более великими" в том смысле, что они еще пребывали в согласии с Λοῦοζ, т.е. с "Εν Πάντα". Шаг к "философии", подготовленный софистикой, впервые сделали Сократ и Платон. Потом, двумя веками позднее Гераклита, Аристотель

охарактеризовал этот шаг в
следующих словах: καὶ δὴ καὶ τὸ
πᾶλαι τε καὶ νῦν καὶ ἄει
ὑμενον καὶ ἀει ἀπορουμένον, τί
τὸ ὄν (Met. Z1, 1028 b 2 sqq.) В
переводe читаем: "и так некогда уже
было, и есть теперь, и будет впредь—
то, куда (философия) держит путь и
к чему она вновь и вновь не находит
доступа, (подразумевается в вопросе)
что есть сущее? (τί τὸ ὄν) [\[3\]](#) *.

Философия ищет, что есть
сущее, поскольку оно есть.
Философия находится на пути к
Бытию сущего, т.е. к сущему в его
отношении к Бытию. Аристотель
поясняет это, добавляя к

имеющемуся в приведенном положении вопросу о τὶ τοὺν (что есть сущее?), следующее: τούτῳ ,ἐστὶ τις ἡ οὐσίᾳ или в переводе: "Это (именно τὶ τοὺν) означает: что есть сущность сущего?" Бытие сущего заключается, в сущности. Последнюю же, οὐσίᾳ , Платон определил как ,ἰδέᾳ , а Аристотель — как ,ἐνεργείᾳ .

Пока что нет необходимости подробно разбирать, что Аристотель подразумевает под ,ἐνεργείᾳ и в какой мере οὐσίᾳ можно определить посредством ,ἐνεργείᾳ . Для нас важно сейчас лишь обратить внимание на то, как Аристотель

определяет границы философии в ее сущности. В первой книге "Метафизики" (Met. A2, 982 b 9 sq.) он говорит следующее: философия есть ,ἐπιστήμη τῶν πρῶτων ,ἀρχῶν καὶ αἰτίων θεωρητική' . ,Ἐπιστήμη любят переводить как "наука". Это сбивает с толку, поскольку мы слишком легко поддаемся влиянию сложившегося в Новое время представления о "науке". Переводить ,ἐπιστήμη как "наука" ошибочно и тогда, когда мы понимаем науку в философском смысле, как Фихте, Шеллинг и Гегель.

Слово ,ἐπιστη'μη происходит от причастия ,ἐπιστα'μενος . Так называют человека, который состоятелен (состоятельность в смысле appurtenance)*. Философия есть ,ἐπιστη'μη τις , некоторого рода состоятельность. θεωρητικη' , которая делает возможным θεωρε,ι'ν , т.е. усмотреть нечто и усмотренное таким образом охватить и удерживать во взоре. Поэтому философия есть ,ἐπιστη'η θεωρητικη' . Что же, однако, философия охватывает взором?

Аристотель называет это πρῶται ,αῃαι' και' αι'τι'αι , в переводе — "первые основания и причины", а

именно — сущего. Первые основания и причины составляют Бытие сущего. Спустя два с половиной тысячелетия самое время задуматься над тем, что же общего у Бытия сущего с этими "основанием" и "причиной".

В каком смысле понимается Бытие, если "основание" и "причина" оказываются способны наложить печать и завладеть сущим-Бытием сущего?

Однако сейчас мы обратим внимание на другое. Упомянутое выше положение Аристотеля говорит нам, куда держит путь то, что со времен Платона называют "философией". Это положение

сообщает нам, что такое философия. Философия есть некая состоятельность, позволяющая охватить сущее взором, причем усмотреть, *что оно есть*, поскольку оно есть сущее.

На вопрос, который должен придать нашему разговору плодотворное беспокойство и живость и указать ему направление пути, на вопрос "что есть философия" Аристотель уже ответил. Стало быть, наше обсуждение ни к чему. Оно подошло к концу, еще не начавшись. Нам, конечно, немедленно возразят, что высказывание Аристотеля о

философии никак не может быть единственным ответом на наш вопрос. В лучшем случае это *один* ответ из множества других. С помощью аристотелевской характеристики философии можно, правда, представить и истолковать и мышление до Аристотеля и Платона, и философию послеаристотелевского времени. Однако нам с легкостью укажут на то, что сама философия и тот способ, каким она представляет собственную сущность, в последующие два тысячелетия многообразно изменялись. Кто станет это отрицать? Но мы не можем не упомянуть также, что

философия от Аристотеля до Ницше
именно на основании этих
изменений и в них остается тою же.
Ибо превращения служат залогом
родства.

Этим мы вовсе не утверждаем,
что аристотелевское определение
философия имеет абсолютную
значимость. Уже в ходе истории
греческого мышления оно, являет
собою лишь одно определенное
истолкование греческого мышления
и того, что ему задано.
Аристотелевская характеристика
философии ни в коем случае не
может. Быть обращена назад, на
мышление Гераклита и Парменида;

напротив, аристотелевское определение философии есть вольное следствие и завершение раннего мышления. Я говорю "вольное следствие", поскольку нельзя думать, будто отдельные философии и эпохи философии происходят друг из друга в смысле неизбежности некоего диалектического процесса.

Что следует из всего сказанного для нашей попытки обсудить вопрос "что это такое — философия?" Прежде всего, одно: мы не должны придерживаться единственно лишь определения Аристотеля. Из этого заключаем другое: надо иметь

представление и о более ранних и
позднейших определениях
философии. А затем? Затем, с
помощью сравнительной
абстракции, мы выявим общее во
всех определениях. А затем? Затем,
окажемся предельно далеки от
ответа на наш вопрос. Почему все
пришло к этому? Потому что, следуя
только что упомянутому методу, мы
чисто исторически собираем
имеющиеся определения и
растворяем их в некой общей
формуле. Все это при наличии
большой эрудиции и правильных
установок действительно можно
выполнить. При этом нам совсем не

надо входить в философию, размышлять о ее сущности. Мы приобретаем таким образом разносторонние, основательные и даже полезные познания о том, какие представления складывались о философии в ходе ее истории. Но по этому пути мы никогда не дойдем до подлинного, т.е. достоверного ответа на вопрос "что это такое — философия?" Ответ может быть только философствующим ответом, ответом, который как отзыв, как ответное слово философствует в себе. Как же мы должны понимать это положение? Каким образом ответ, и именно как ответ, как

отклик, может философствовать? Я попытаюсь сейчас предварительно прояснить это с помощью нескольких замечаний. То, что я имею в виду, будет в нашем разговоре постоянным очагом беспокойства. И даже пробным камнем, позволяющим судить, может ли наш разговор стать истинно философским. Последнее же — никак не в нашей власти.

Когда ответ на вопрос "что это такое — философия?" является философствующим? Когда мы философствуем? Лишь тогда, очевидно, когда вступаем в разговор с философами. Это предполагает, что

мы говорим с ними о том, что они обсуждают. Это проговаривание друг с другом того, к чему, собственно, все снова и снова как к одному и тому же обращаются философы, есть речь, $\lambda' \epsilon \upsilon \epsilon \iota \nu$ в смысле $\delta \iota \alpha \lambda \epsilon ' \upsilon \epsilon \sigma \theta \alpha \iota$, речь как диалог. Обязательно ли диалог является некоей диалектикой и когда, — это **мы** оставляем открытым.

Одно дело констатировать и описывать мнения философов, и совсем другое — говорить с ними о том, что они традиционно обсуждают, о чем они повествуют

Положим, к философам обращается Бытие сущего, чтобы они рассказали, что такое сущее как

сущее: тогда и к нашему разговору с философами те же должно обращаться Бытие сущего. Мы сами, с помощью своего мышления, должны пойти навстречу тому, на пути к чему находится философия. Наша речь должна соответствовать тому, что вызывает к философам. Когда это соответствие удастся нам, тогда мы в подлинном смысле отвечаем на вопрос "что это такое — философия?" Немецкое слово "antworten" ("отвечать на") означает собственно то же, что "ent-sprechen" ("со-ответствовать"). Ответ на наш вопрос не исчерпывается высказыванием, устанавливающим,

что следует понимать под "философией". Ответ есть не ответное высказывание (*n'est pas une réponse*), а скорее со-ответствие (*!a correspondance*), которое со-ответствует Бытию сущего. Возможно, нам сразу захочется знать, что характеризует ответ в смысле соответствия. Однако в том-то и дело, что мы попадаем в соответствие прежде, чем выстраиваем соответствующую теорию.

Ответ на вопрос "что такое философия?" состоит в нашем со-ответствии тому, к чему философия держит путь. А это есть Бытие

сущего. В таком со-ответствии мы с самого начала вслушиваемся в то, что уже передала нам философия, понятая по-гречески, т.е. (рЛософШ. Поэтому мы попадаем в соответствие, т.е. отвечаем на наш вопрос, только если продолжаем разговор с тем, во что нас предает, т.е. высвобождает, философская традиция. Мы находим ответ на наш вопрос о философии не в почерпнутых из истории определениях философии, а в разговоре с тем, что было передано нам традицией как Бытие сущего.

Путь к ответу на наш вопрос является не разрывом с историей, не

отрицанием истории, но — усвоением и преобразованием того, что передает традиция. Такое отношение к истории имеется в виду под "деструкцией". Смысл этого слова ясно изложен в "Бытии и времени" (§ 6). Деструкция означает не разрушение, а упразднение, разбор, от-странение накопившихся в истории высказываний об истории философии. Деструкция означает: раскрыть свои уши, освободить слух для того, что говорит нам в традиции как Бытие сущего. Внимая этому зову, мы попадаем в соответствие.

Однако уже когда мы говорим это, появляется сомнение, Оно

состоит в следующем: разве мы должны стараться достичь соответствия с Бытием сущего? Разве мы, люди, не находимся уже в таком соответствии, и не только *de facto*, а по своей сути? Не является ли это соответствие основной чертой нашего существа?

Это поистине так. А если так, то мы не можем более говорить, что должны сначала попасть в соответствие. И все-таки говорим мы это по праву. Ибо хотя мы всегда и всюду пребываем в соответствии с Бытием сущего, зову Бытия мы внимаем редко. Соответствие с Бытием сущего остается нашим

постоянным местопребыванием. Однако специальной и проводимой нами установкой поведения оно становится лишь изредка. Только когда это происходит, мы впервые собственно соответствуем тому, с чем „имеет дело философия, держащая путь к Бытию сущего. Соответствие бытию сущего и есть философия, однако же тогда, и только тогда, когда это соответствие осуществляется, а тем самым раскрывается и расширяет свое раскрытие. Это соответствие осуществляется по-разному, в зависимости от того, как говорит зов Бытия, услышан ли он или нет,

высказывается ли услышанное или замалчивается. Наш разговор может дать повод подумать об этом

То, что я пытаюсь сейчас сказать, есть лишь предисловие к разговору. Все изложенное я хотел бы вернуть к тому, что было затронуто нами в связи со словами Андре Жида о "прекрасных чувствах". Φίλοσοφία есть самостоятельно выполняемое соответствие, которое говорит, поскольку внимает зову Бытия сущего. Это соответствие прислушивается к голосу Бытия. То, что взывает к нам как голос Бытия, располагает наше соответствие.

"Соответствие" означает,
следовательно:

быть расположенным, *^etre dispose ' ,* и именно Бытием сущего. *Dis-pose '* означает здесь буквально следующее: расположенное порознь, проясненное и тем самым поставленное в отношение к тому, что есть. Сущее как таковое располагает речь таким образом, что она настраивается (*accorder*) на Бытие сущего. Соответствие является настроенным обязательно и всегда, а не лишь иногда и случайно. Оно есть некая настроенность. И только на основе настроенности (*disposition*) повествование соответствия

получает свою точность, свою рас-
положенность.

В качестве на-строенного и рас-
положенного (als ge-stimmtes und be-
stimmtes) соответствие
действительно существует в
некотором настроении. Тем самым
наше поведение так или иначе
организовывается. Понимаемое
таким образом настроение не
является музыкой случайно
всплывших чувств, которые лишь
сопровождают соответствие. Когда
мы характеризуем философию как
настроенное соответствие, мы ни в
коей мере не хотим вручить
мышление случайным переменам и

колебаниям чувств. Речь идет единственно о том, чтобы указать, что всякая точность повествования укоренена в расположении соответствия, *correspondance*, как я говорю — во внимании зову.

Но указание на сущностную настроенность соответствия не является неким современным изобретением. Уже греческие мыслители, Платон и Аристотель, заметили, что философия и философствование принадлежат тому измерению человека, которое мы называем настроением (в смысле на-строенности и расположенности).

Платон говорит (Теэтет 155d): μ
 $\alpha\lambda\alpha$ $\gamma\alpha\rho$ $\phi\iota\lambda\omicron\sigma\sigma\omicron\phi\omicron\nu$ $\tau\omicron\sim\upsilon\tau\omicron$ $\tau\omicron$
 $\pi\alpha\theta\omicron\varsigma$, $\tau\omicron$ $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha'$ $\zeta\epsilon\iota\nu$ $\omicron\nu$ $\gamma\alpha\rho$,
 $\alpha\lambda$ $\lambda\eta$, $\alpha\rho\chi\eta'$ $\phi\iota\omicron\sigma\sigma\omicron\phi\iota\alpha\varsigma$, η $\alpha\upsilon^{\circ}\tau\eta$.
"Для философа чрезвычайно
характерно именно удивление,
 $\pi\alpha\theta\omicron\varsigma$; и другого господствующего.
Откуда философии, кроме этого, не
существует".

Удивление как $\pi\alpha\theta\omicron\varsigma$, есть
 $\alpha\rho\chi\eta'$ философии. Греческое слово
 $\alpha\rho\chi\eta'$ мы должны понять в его
полном смысле. Оно называет то,
откуда нечто исходит. Но это
"откуда", исток, не остается позади,
 $\alpha\rho\chi\eta'$ становится скорее тем, что
выражает глагол $\alpha\rho\chi\epsilon\iota\nu$, что

господствует. Πᾶθος удивления, таким образом, не просто стоит у начала философии, как, например, мытье рук хирурга предшествует операции. Удивление ведет философию и повсеместно господствует в ней

То же самое говорит Аристотель (Met. A2, 982 b 12 sq.)- δια' γ'αρ το' θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ το' πρῶτον ἤζαντο φιλοσοφεῖν . "Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования" (того, откуда исходит философствование и что

определяет весь ход философствования).

Было бы слишком поверхностно, преждевременно и не по-гречески думать, будто Платон и Аристотель утверждают здесь лишь то, что удивление есть причина философствования. Если бы они придерживались такого мнения, это означало бы следующее некогда люди удивились именно сущему, тому, что оно есть и что оно есть. Под влиянием удивления начали они философствовать. Едва лишь философия пришла в движение, удивление, как импульс, стало излишним и поэтому исчезло — Оно

могло бы исчезнуть, будь оно лишь толчком Но — удивление есть ,*αρχή* , оно присутствует и правит в каждом шаге философии. Удивление есть *παῖθος* Обычно мы переводим *παῖθος* , как *passion*, страсть, волнение чувств. Но *παῖθος* связан с *παῖσχι* — страдать, переносить, терпеть, выносить, позволять себя вести, позволять располагать собою. Как и всегда в таких случаях, рискованно переводить *παῖθος* как настрой, имея в виду настроенность и расположенность. И все же мы должны отважиться на такой перевод, поскольку он один убережет нас от того, чтобы представлять

παθος психологически, в духе Нового времени и современности. Лишь понимая πα'θος как настрой (dis-position), мы можем точнее охарактеризовать θαυμαζειν, удивление. В удивлении мы удерживаем себя (etre en arret). Мы словно отступаем перед сущим — перед тем, что оно существует и существует так, а не иначе. И удивление не исчерпывает себя в этом отступлении перед Бытием сущего - как отступление и самообладание, оно в то же время пленено и словно сковано тем, перед чем отступает. Таким образом, удивление есть dis-position

(расположенность), в которой и для которой раскрывает себя Бытие сущего. Удивление является тем настроением, в каком греческим философам было дано соответствие Бытию сущего.

Совершенно иного рода тот настрой, который побудил мышление по-новому поставить традиционный вопрос о сущем как сущем и тем самым начать новую эпоху философии. Декарт в "Размышлениях" спрашивал не только и не столько *ti' to' ,ov* — что есть сущее, поскольку оно есть. Декарт спрашивал: каково то сущее, которое есть истинно сущее в смысле

ens certum. Между тем для Декарта сущность certitude изменилась. Ведь в средние века certitude означало не достоверность, а жесткую ограниченность сущего тем, что оно есть. Certitude здесь еще равнозначно essentia. Для Декарта же то, что действительно *есть*, измеряется иначе. Сомнение становится для него тем настроем, в котором вибрирует настроенность на ens certum, достоверно сущее. Certitudo оказывается той фиксацией ens qua ens, которая следует из несомненности cogito (ergo) sum для человеческого Эго. Благодаря этому выделяется sub-jectum **как** Эго и

человеческая сущность впервые
вступает в область субъективности в
смысле эгоцентризма (Egoitat). Из
настроенности на это certitude речь
Декарта получает определенность
некоторого dare et disdncte percipere*.
Настрой сомнения становится
положительным согласием с
достоверностью. Отныне
достоверность становится
мерозадающей формой истины.
Настрой уверенности в достижимой
во всякое время достоверности
познания остается πα'θος и вместе
с тем ,αρχη' философии Нового
времени.

В чем **же** заключается τέλος ,
завершение философии Нового
времени, если вообще можно
говорить об этом? Не определен ли
этот конец через некоторый другой
настрой? Где должны мы искать
завершение философии Нового
времени? Уже в философии Гегеля
или **же** в философии позднего
Шеллинга? И как быть с Марксом и
Ницше? Выходят ли они из колеи
философии Нового времени? Если
нет, то как можно определить их
местоположение?

Казалось бы, мы ставим лишь
исторические вопросы. На самом же
деле мы размышляем о будущей

сущности философии. Мы пытаемся вслушиваться в голос Бытия. В какой настрой приводит он сегодняшнее мышление? На этот вопрос едва ли можно ответить однозначно. Вероятно, какой-то основной настрой сегодня господствует. Однако пока он остается для нас сокрытым. Это следует считать признаком того, что сегодняшнее мышление еще не нашло своего единственного пути. Мы наблюдаем лишь разного рода настрои мышления. Сомнение и отчаяние, с одной стороны, и слепая одержимость непроверенными принципами, с другой, противостоят

друг Другу. Опасение и страх перемешаны с надеждой и уверенностью. Зачастую мы думаем, что мышление, имеющее характер рассуждающего представления и исчисления, совершенно свободно от всякого настроя. Но и холодность расчета, и прозаическая трезвость плана суть приметы некоей настроенности. И не только; даже разум, стремящийся быть свободным от всякого влияния страстей, настроен, будучи разумом, на уверенность в логико-математической постижимости своих принципов и правил.

Именно принятое на себя и проводимое нами соответствие, которое отвечает на зов Бытия сущего, и есть философия. Мы узнаем и знаем, что такое философия, лишь когда испытываем как, каким образом (*auf welche Weise*) философия существует. Она существует в мелодии (*in der Weise*) соответствия, настраивающегося на голос Бытия сущего.

Это со-ответствие есть некая речь. Она состоит на службе у *языка*.

Что это означает, сегодня понять трудно, ибо наше привычное, представление о языке претерпело странное превращение. В результате

язык стал инструментом выражения. Вследствие этого считается более правильным говорить: язык состоит на службе у мышления, вместо: мышление, как соответствие, состоит на службе у языка. Однако сегодняшнее представление о языке настолько удалено от греческого опыта языка, насколько, это возможно. Грекам сущность языка открывается как λόγος . Но что означает λόγος и λέγειν ? Только теперь мы постепенно начинаем сквозь различные истолкования прозревать в первоначальную греческую суть. Однако мы не можем

ни вернуться к этой сути языка, ни просто перенять ее.

Напротив, мы должны, вероятно, вступить в разговор с греческим опытом языка как Почему? Потому, что без достаточного осмысления языка мы никогда по-настоящему не узнаем, что такое философия в качестве указанного соответствия, что такое философия как особая манера повествования.

И поскольку поэзия, если сравнить ее с мышлением, находится на службе у языка совершенно иным и особым образом, наше размышление о философии с необходимостью приводит к

обсуждению соотношения мышления и поэзии. Между мышлением и поэзией царит сокровенное родство, ибо они, будучи на службе у языка, ходатайствуют за него и бескорыстно расходуют себя. В то же время, однако, между ними зияет бездна, ибо они обитают на отдаленнейших вершинах [\[4\]](#) *.

Теперь с полным правом можно было бы требовать, чтобы наш разговор ограничился вопросом о философии. Но это ограничение было бы возможным и даже необходимым лишь в том случае, если бы в ходе разговора оказалось, что философия не является тем, в

качестве чего она была сейчас истолкована, — соответствием, которое приводят зов Бытия к речи.

Другими словами, наш разговор не ставит своей целью развернуть жестко заданную программу. Однако мне хотелось бы привести присутствующих к собранности, в которой к нам обращается то, что мы называем Бытием сущего. Называя это, мы думаем о том, что сказал уже Аристотель: "Сущее-Бытие выходят к свету многими путями".

Το ον λεγεται πολλαχως.

*Перевод с немецкого Е.В
Ознобкиной*

[1] * *Heidegger M. Was ist das – die Philosophie? Phullingen, 1956.*

[2] ** *Andre Gide. Dostoiewski Paris, 1923. P. 247*

[3] * *Ср: Vortrage und Aufsätze. 1954. 5. 207—229.*

[4] * *Ясного и отчетливого восприятия (лат.) — Прим. перга.*